

Олег КОНДРАТЬЕВ

ТАЙНЫЙ ГРУЗ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

Кондратьев, Олег Владимирович.

К64 Тайный груз / Олег Кондратьев. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Железная гвардия. Романы о президентском спецназе).

ISBN 978-5-04-161615-1

Недалеко от Мурманска найден труп рабочего с угледобывающего комбината. На первый взгляд дело обычное — загулял человек и заблудился в ледяной тундре. Но тогда откуда на его теле следы жестоких пыток? Вдобавок ко всему в кармане убитого обнаружена металлическая пластина с клеймом Третьего рейха, сделанная из радиоактивного золота... Дело перешло в разряд особо важных. К месту находки была направлена специальная боевая группа Германа Талеева, подчиняющаяся лично главе государства. Вскоре в районе, где работал убитый, бойцы обнаружили лагерь очень странной экспедиции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161615-1
© Кондратьев О.В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

**31 октября 1944 года,
северная оконечность Норвегии,
населенный пункт Хельстанген на берегу
Варангер-фьорда**

Подводная лодка без каких-либо опознавательных знаков была ошвартована в самой глубине бухты, у небольшого деревянного причала. Мощный прожектор с ее хищно зализанной ходовой рубки освещал небольшую часть верхней палубы и дощатый настил явно сооруженного второпях пирса. Но даже его яркого света не хватало, чтобы рассеять сгущающийся на глазах сумрак полярной ночи. Поэтому фигуры людей, снующих взад-вперед по неровным доскам от берега к распахнутому люку лодки и обратно, больше напоминали бесплотные серые тени. А может, виной тому были серо-белые полосатые робы заключенных одного из безымянных, но пронумерованных концлагерей, в изобилии разбросанных по оккупированному Великим рейхом территориям.

Узники — а их было человек двадцать — под бдительным присмотром дюжины охранников, вооруженных автоматами, торопливо перетаскивали ящики из большого штабеля на берегу к люку подводной лодки, а затем с помощью матросов опускали их на веревках внутрь. Некоторые ящики, чаще всего

отмеченные в левом верхнем углу желтым кругом, были так тяжелы, что даже четверо заключенных с трудом тащили их по неструганым доскам причала. Это раздражало охранников, и на измученных людей сыпались брань и болезненные удары прикладами.

Один из таких ящичков оказался чуть шире остальных и никак не проходил в лодочный люк. Офицер-подводник, руководивший погрузкой из рубки, прокричал что-то своим матросам, и те потащили ящик обратно на причал. Однако они были тут же остановлены одним лишь предупреждающим взмахом руки высокого офицера-эсэсовца, с берега внимательно наблюдавшего за работами. Сам офицер несколькими быстрыми, размашистыми шагами приблизился к матросам. За ним, еле поспевая, семенил плотный коротышка в гражданской одежде и нелепых круглых очках без оправы на самом кончике мокрого носа. Он суматошно размахивал маленькими ручками, что-то возбужденно выкрикивал и даже слегка подпрыгивал, пытаясь заглянуть эсэсовцу в глаза.

Тот широким повелительным жестом отстранил от ящика матросов, а взмахом другой руки подозвал оказавшихся неподалеку двух заключенных. Вместе с ними подошел и один из охранников. Офицер негромко отдал короткое распоряжение и сам отступил в сторону на несколько шагов. Заключенные сноровисто разломали ящик. Под черными досками оказался саркофаг с крышкой на прижимных болтах из какого-то тяжелого металла. Груз внутри него также

хранился в небольших ящичках, судя по цвету, из того же металла, что и саркофаг. В это время вернулся отлучавшийся куда-то охранник и протянул заключенным два объемистых резиновых мешка. Коробки из ящика быстро переложили в мешки, и с дальнейшей погрузкой их на субмарину уже не возникало трудностей. Сам тяжеленный саркофаг снова перетащили на борт лодки и надежно закрепили специальными ремнями в районе боевой рубки на верхней палубе.

Гражданский коротышка удовлетворенно находился, втянув голову в плечи, перестал щебетать и лишь поблескивал стеклами очков из-под мокрых полей потерявшей всякую форму шляпы. Но продолжал бдительно следить за всеми перемещениями и действиями заключенных. Причем интересовали его только черные ящики с круглым желтым клеймом.

Офицер-подводник в боевой рубке, скривив презрительно недовольную гримасу — как это кто-то осмелился кроме него командовать на боевом корабле, пусть даже у причала и всего лишь при погрузке? — еще какое-то время ругался себе под нос. Сделать это вслух не позволяли высокий ранг эсэсовца и его специальные полномочия, о которых моряк был специально предупрежден. Потому он от всей души сорвал злость на вынырнувшем из люка матросе-сигнальщике и только тогда, восстановив истинно морское хладнокровие, продолжил умелое руководство погрузочными работами.

Немцы заметно торопились, и для этого имелись все основания. Вообще эвакуация объекта 106/8417-WWF была запланированной акцией, к ней готовились заранее, методично и последовательно, но слегка ошиблись со сроками завершающего этапа. Кто бы мог предположить, что эти русские, вместо того чтобы, как это принято у них, приурочить крупную военную операцию (тем более победную) к одной из своих революционно-государственных дат, решат форсировать события! А ведь какая дата: 27 лет их революции! Поэтому даже в Генеральном штабе мало кто сомневался, что именно к 7 ноября будет осуществляться грандиозная операция Карельского фронта по освобождению Заполярья.

Вся немецкая резидентура докладывала то же самое. Но эти непредсказуемые русские начали чуть раньше, развернулись еще быстрее и вот уже готовы со дня на день доложить своему Сталину об освобождении Советского Заполярья и прилегающих к нему районов на неделю раньше ожидаемого срока. А «прилегающие районы» — это самая крупная немецкая военно-морская база в оккупированной Норвегии: Киркенес. Сил на ее защиту у немцев не было.

Плевать, какими побудительными мотивами руководствовались русские, но эта неделя скомкала всю подготовительную работу отлаженной немецкой машины. Вместо того чтобы под звуки полкового оркестра от благоустроенных причалов Киркенеса на вполне комфортабельных плавсредствах

совершить достойную ретираду, прихватив все свои законные военные трофеи, приходится, как сейчас, ковыряться на темном и грязном берегу маленького фьорда, отправляя с наспех сооруженного за полтора суток причала ценности, собранные за годы оккупации со всего Севера Европы! И еще кое-что, пока никому не известное и не ведомое, но обладающее таким грифом секретности, что и просто помочиться рядом с ним является государственным преступлением. Цум тейфель!

Тем не менее авральная погрузка наконец завершилась. Матросы-подводники начали спешно готовить лодку к отшвартовке: принимали на борт отданные с пирса концы, проверяли надежность раскрепления в рубке нескольких ящиков, остающихся при погружении на верхней палубе.

Луч прожектора с рубки переместился на конец причала, куда по приказу старшего эсэсовца охранники согнали всех заключенных. Несчастные люди ежились под порывами ледяного северного ветра, а внезапно усилившийся снегопад вперемешку с дождем мгновенно превратил их полосатые лагерные робы в заледеневший неудобный панцирь, тяжело болтавшийся на исхудалых плечах.

Последние два десятка человек из восьмисот шестидесяти трех заключенных объекта 106/8417. В основном советские военнопленные и четверо бойцов норвежского рабочего Сопротивления. Тела всех остальных вот уже несколько часов как были

надежно погребены под обломками жилых барачков и подсобных строений догорающего в полусотне километров отсюда концентрационного лагеря.

Концы в воду. И теперь уже в самом прямом смысле слова...

Короткие очереди из автоматов «Шмайсер» были почти не слышны из-за шума непогоды. Тела расстрелянных охранники просто ногами столкнули с причала в воду и поспешили укрыться в теплом чреве гостеприимной субмарины. Туда же, внутрь, по вертикальному трапу суетливо и неумело спустились еще несколько лагерных офицеров, колом прошмыгнул очкастый коротышка и степенно последовал высокий ээсовец.

На мостике остались только трое моряков-подводников, которым предстояло вывести лодку по незнакомому фарватеру из узкого фьорда. Впереди их всех ожидал очень неблизкий путь.

Так казалось...

ИЗ МАТЕРИАЛОВ АНГЛИЙСКОЙ ВОЕННОЙ
РАЗВЕДКИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА НЮРНБЕРГСКОМ
ПРОЦЕССЕ, ВПОСЛЕДСТВИИ РАССЕКРЕЧЕННЫХ
И ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АВТОРАМИ
МНОГОЧИСЛЕННЫХ МЕМУАРОВ

(Донесение, поступившее по каналам радиосвязи 29 октября 1944 года от руководителя разведгруппы «Норд-XX», действовавшей на территории оккупированной Норвегии):

«...В связи с успешным проведением союзными (советскими) войсками операции по захвату базы Киркенес и возможной угрозой дальнейшего продвижения войск в глубь страны ускорены мероприятия по свертыванию объекта 106/8417-WWF. Оборудование и все материалы интересующей нас лаборатории, расположенной на территории объекта, предположительно будут вывезены вместе с другими ценностями морским путем с ближайшего северного побережья на малотоннажных военных судах или подводной лодке в течение не позднее 48 часов, считая от настоящего момента... Сам объект подлежит полной зачистке...»

(Из донесения от 30 октября того же года):

«...уточняем координаты места погрузки... на судно специального назначения: 69 градусов 46 минут 20 секунд северной широты, 29 градусов 40 минут 03 секунды восточной долготы...»

Из устных воспоминаний командира специальной противолодочной группы Военно-морского флота Ее Величества Королевы Великобритании фрегатен-капитана сэра Джорджа Корнуэлла-мл.

2 ноября 1944 года, северный квадрат Норвежского моря, западнее острова Медвежий (принадл. Норвегии).

«...Эта чертова подводная лодка оказалась просто неуловимой! Что могло быть проще для королевских противолодочных фрегатов, чем встретить вражеский объект в заранее указанном месте и в случае отказа под

конвоем проследовать в ближайший английский порт в качестве добровольного арестанта, потопить гадину безо всяких сомнений и колебаний?!

Поначалу все и развивалось именно по такому сценарию: грамотно подстерegli, уверенно запеленговали, обложили, как лису в норе, со всех сторон, а дальше... Капитан субмарины оказался не просто асом, а каким-то кудесником! Оч-ч-ч-ень хорош! Как изящно и элегантно этот немец выполнил всю «обязательную программу» уклонений! И резкие, непредсказуемые зигзаги в стороны, и нырки на глубину, и режим полной тишины... А как он залегал на «жидком» грунте, едва не потеряли! Весь богатый арсенал выложил.

Потом попытался уйти на север. Для любого другого в это время года подобное было бы просто самоубийством, но такой виртуоз мог бы и выкрутиться, чем черт не шутит? Пришлось плотно его преследовать до самого Медвежьего. Там, на «баночке», целую серию «глубинок» точно на него сбросили. Можно было отпевание заказывать. Так ведь соскочил! Шесть часов трупом притворялся, потом отполз, нырнул и бог знает на чем попытался улизнуть!

Трое суток гоняли, как подстреленного зайца. Он бы, конечно, и сам не очухался — повреждения, безусловно, были смертельными, но полученный мною приказ иных толкований не допускал — «Уничтожить!»

Разделали нациста «под орех» уже недалеко от северной оконечности Шпицбергена. Ходовой винт вывели из строя окончательно, корпус разворотили так, что все дерьмо наверх повсплывало. Даже мазут из поврежденных топливных цистерн вытек, правда, немно-

го. Так откуда же много-то взяться после таких гонок!
Еще четыре часа потом весь квадрат утюжили.

Ха! Да после такой обработки не то что подводная лодка, туда и подводная килька еще пару лет заплывать побоится! На славу поработали. А противник достойный был, в честном бою погиб. Настоящая морская смерть!»

ГЛАВА 1

Недлинная жизнь Валентина Симакова была сплошной чередой бурь и потрясений. По крайней мере, с точки зрения самого Симочки. Хотя интеллигентный и непредвзятый сторонний наблюдатель, скорее всего, воспользовался бы словами «ну просто черт знает что такое!». Правовой ответ на этот риторический вопрос-утверждение можно было без труда обнаружить в многочисленных милицейских протоколах: «противоправные деяния», «мелкое хулиганство», «нарушение общественного порядка».

Такая невезуха преследовала Валу с самого раннего детства. Ну, собрались, например, опытные первоклассники отвести душу в укромном уголке школьного двора в компании с пачкой сигарет «Мальборо». Кто-то прокашлялся минут за двадцать, кого-то вывернуло наизнанку, кого дома просто выдрали как сидорову козу. Но только не для Валентина все так спокойно и естественно завершилось!

Горящий окурочек глубоко провалился за шиворот кому-то из кашляюще-блюющих. Классная ржачка на всех напала! А перед школьным педсове-

том и на учет в детскую комнату милиции почему-то его одного поставили. Где справедливость?!

Или уже совсем взрослыми, в четвертом классе, пивком побаловались. Всем же еще захотелось добавить, а очередной «привод» схлопотал только Симочка за обчищенные карманы какого-то пьянчуги, валявшегося без чувств под скамейкой в парке.

Дальше — больше. Любознательному мальчику захотелось посмотреть, как изнутри устроен банкомат. За что в милицию?! Хотя в тот раз простили. А вот акробатический этюд худенького шестнадцатилетнего подростка с форточкой в квартире на первом этаже потянул на два с половиной года детской исправительно-трудовой колонии.

Там он и стал Симочкой, там же окончил среднюю школу — отдельное большое спасибо Министерству образования — и там же твердо усвоил, что разбой и грабеж — это не его амплуа, что любое оружие ему просто противопоказано, а от всяких крупных афер следует держаться подальше. В общем, стал почти образцовым гражданином, сохранив при этом свою — возможно, даже генетическую — неистребимую страсть к мелким «шалостям», обману, надувательству и поразительную способность унюхать, где что плохо лежит, и «приделать к этому ноги».

Прямо из ворот колонии он шагнул во взрослую мужскую жизнь, то есть оказался в рядах доблестных Вооруженных сил. И там ему понравилось! Особенно когда через полтора года срочной службы ввиду повального бегства из разваливающейся

армии младших офицеров и сверхсрочнослужащих даже ему — мягко говоря, вовсе не образцовому солдату — предложили остаться на контрактную службу.

Плевать, что вокруг снега Заполярья, а до родного Чернигова больше двух тысяч километров! Зато теперь он — заместитель начальника складского комплекса горюче-смазочных материалов, а куда слить неучтенные «излишки» этих самых материалов с максимальной материальной выгодой для себя — вопрос лишь его сообразительности и предприимчивости.

Симочка раздобыл, обзавелся десятками «нужных» знакомств по всему Кольскому полуострову и уже собирался потихоньку выходить на всероссийский уровень, когда тяжелая рука сурового военного правосудия легла на его хрупкое плечо. Пришлось изрядно поднатужиться, подскрести остатки излишков, чтобы вместо малоприятного путешествия в ближайшую спецзону отделаться простым увольнением из рядов Вооруженных сил.

Конечно, о возвращении «без штанов» на свою малую нищую украинскую родину не возникло даже мысли. Но хотя бы временно покинуть благословенные для него края Симакову было необходимо: военная прокуратура пока лишь краем зацепила большущий пласт всевозможных должностных преступлений, а по мере копания вглубь непременно вновь наткнулась бы на фамилию Симочки: не на одном же складе ГСМ свет клином сошелся, были

еще склады: и технические, и продовольственные, и даже вещевого обмундирования...

А тут очень кстати попало ему на глаза объявление в какой-то газетенке: а не желаете ли вы поработать на Шпицбергене? Да какая разница, что делать! Сейчас важно где. За свое чуть криминальное прошлое и слегка подмоченную военную репутацию при оформлении бумаг для новой работы Валентин не беспокоился: он собственноручно извлек из своего личного дела весь компромат. Что стоило знакомому мичману — писарю из отдела кадров дивизии — принести Симочке его секретное личное дело прямо на дом, всего-то на одну ночь?! Один ящик «паленого» коньяка. И уже к утру у «демобилизованного по состоянию здоровья из рядов Вооруженных сил» Валентина Ивановича Симакова выросли длинные белые ангельские крылья. По документам, разумеется.

Так Симочка оказался на российском угледобы- вающем комбинате острова Шпицберген.

Рассказывают, что на всем архипелаге когда-то действовал сухой закон. Сейчас в это верилось с трудом. Туризм уверенно становился одной из самых прибыльных отраслей в микроэкономике архипелага, оставляя позади даже угледобычу! Ну а как же туристу без этого самого «сухого» дела?! Поэтому спиртное без труда можно было найти и днем и ночью в любом из немногочисленных поселков. Кроме того, Шпицберген был tax-free зоной, а значит, цены

на горячительные напитки вполне соответствовали уровню иностранца с небольшими доходами.

Вот, правда, с развлечениями было... не очень. Поселковый Дворец культуры явно не удовлетворял эстетических запросов широкой русской души. Можно было, конечно, смотаться в столицу — Лонгиенбюен, до нее по прямой чуть больше полусотни километров, и ассортимент услуг там значительно больше, или самим организовать какой-нибудь экстрим. Хотя поездка в столицу — это уже своего рода экстрим. Дорог на Шпицбергене не существовало вообще. Только направления, как в нашей родной тундре. А средство передвижения — снегоход. Огромные ледяные плато давали возможность пользоваться им практически в любое время года. Правда, с разной степенью риска...

Такие мысли крутились сейчас нестройным хороводом в основательно захмелевшей голове Симакова. Общий градус опьянения разношерстной мужской компании в общежитии российских шахтеров поднялся уже на недосягаемую высоту. Не сумевшие «досягнуть», расползлись по своим комнатам или комфортно отдыхали всемером на небольшом диванчике в углу. А душа Валентина настойчиво требовала продолжения банкета.

Быстренько пересортировав «штабель» на диванчике, Симаков из самой глубины безошибочно выудил за пятку худощавое и недлинное тело своего нового кореша Васяна, правда, в глубоко депрессив-

ном состоянии. Столь немилосердно выдернутый из нирваны кореш икал и осоловело хлопал глазами, пока его отрешенный взгляд не остановился на почти полной бутылке в середине стола. Сквозь мутную пелену алкогольной интоксикации сверкнула молния инстинкта, и рука сама потянулась вперед. Однако Валентин оказался проворнее, а пальцы нерасторопного страдальца вместо уютного стеклянного горлышка ухватили лишь кисть его руки.

— Теряешь хватку, Васяня! Как только с такой реакцией ты умудрялся на питерских рынках сумочки «чистить»?

Кореш промычал что-то невразумительное и изобразил робкое телодвижение по направлению к диванчику.

— Ни в коем разе. Сейчас культурненько по «стольничку» примем, прокатимся с ветерком, еще пару «пузырей» надыбаем и девчушек каких, если повезет.

Контрольными словами, проникшими под черепную коробку Васяна, были «стольник» и «пузырь». Впрочем, их оказалось вполне достаточно, чтобы запустить процесс оживления организма и сориентировать его в нужном направлении. Программа заработала...

Самый лучший наст был в непосредственной близости от залива. Сквозь его твердую ледяную корку не пробивались наверх скалистые пики, не темнел расползающимися пятнами каменистый островной

покров. Правда, здесь подстерегала другая беда: сорваться с высоченной ледяной кручи прямо в воды залива. Так на то и экстрим!

На заднем сиденье снегохода утробно похрюкивал Васян в такт каждому прыжку мчавшейся вперед машины. Во время затяжных подлетов он крепко обхватывал пояс Валентина обеими руками, изо всех сил вжимался в его спину и орал что-то нечленораздельное. Адреналин переполнял Симочку. Он сам орал еще громче, чем его напарник, но старался ни на секунду не отрывать взгляд от яростно прыгающего в нескольких метрах перед рулем пятна света из мощного прожектора, установленного на снегоходе.

При езде с такой скоростью и в таких условиях можно было и не напрягать понапрасну зрение. Ведь даже если успеешь случайно разглядеть в сумрачной круговерти перед рулем какую-нибудь досадную неожиданность, никакая человеческая реакция не поможет предотвратить печальный конец.

Но пока нашим «шумахерам» везло. Только от напряжения начинало сводить судорогой вцепившиеся в руль руки и немели мышцы бедер, которыми приходилось изо всех сил стискивать сиденье, чтобы на очередном подскоке не оказаться выброшенным на лед.

Однако экстрим экстримом, но организм требовал своего. Симочкин желудок напоминал сейчас шейкер в руках опытного бармена. Изрядное количество разнообразнейшей выпивки вступило там в